Соболева Анастасия Николаевна

ПОДГОТОВКА ПЕРВЫХ НАЦИОНАЛЬНЫХ ВОЕННЫХ КАДРОВ В БУРЯТ-МОНГОЛЬСКОЙ КАВАЛЕРИЙСКОЙ ШКОЛЕ

После победы большевиков в Гражданской войне ими был взят курс на создание национальных воинских формирований. Строительство новой армии незамедлительно требовало подготовки значительного количества кадров, владеющих национальными языками. В этой связи в статье на основе газетных публикаций, архивных данных и личных воспоминаний исследуется история создания, особенности комплектования и развития Бурят-Монгольской кавалерийской школы по подготовке младших командиров.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2017/8/54.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2017. № 8(82) С. 188-191. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2017/8/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

ETHICAL PROBLEMS IN L. I. SHESTOV'S WORK "APOTHEOSIS OF GROUNDLESSNESS"

Slobozhanin Aleksei Vyacheslavovich, Ph. D. in Philosophy
Valeeva Galina Viktorovna, Ph. D. in Philosophy
Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University
Tiaen@rambler.ru

The article is devoted to reconstruction of ethical content of the work by the Russian existential philosopher L. I. Shestov. The authors identify atypical for the rest of the works of this thinker non-religious approach to the study of ethical problems. Three groups of fundamental ethical questions raised in this work are singled out: metaphysical and anthropological bases of morality, ideas of virtues and depiction of vices in works of art. A review of secondary ethical issues touched upon in the work is given.

Key words and phrases: ethics; Russian ethics; morality; Russian existentialism; existential ethics; moral life; virtues; vices; L. I. Shestov's ethics.

УДК 94(571.54)
Исторические науки и археология

После победы большевиков в Гражданской войне ими был взят курс на создание национальных воинских формирований. Строительство новой армии незамедлительно требовало подготовки значительного количества кадров, владеющих национальными языками. В этой связи в статье на основе газетных публикаций, архивных данных и личных воспоминаний исследуется история создания, особенности комплектования и развития Бурят-Монгольской кавалерийской школы по подготовке младших командиров.

Ключевые слова и фразы: национальное военное строительство; национальная политика; коренизация; подготовка национальных кадров; Буркавшкола; Бурят-Монгольская АССР.

Соболева Анастасия Николаевна, к.и.н.
Институт монголоведения, буддологии и тибетологии
Сибирского отделения Российской академии наук, г. Улан-Удэ
soboleva03_88@mail.ru

ПОДГОТОВКА ПЕРВЫХ НАЦИОНАЛЬНЫХ ВОЕННЫХ КАДРОВ В БУРЯТ-МОНГОЛЬСКОЙ КАВАЛЕРИЙСКОЙ ШКОЛЕ

Создание национальных воинских подразделений и частей в 20-30-х гг. XX в. – один из своеобразных экспериментов большевистского руководства, тесно связанный с общегосударственной политикой, получившей наименование «коренизация». Данная политика выражалась в создании национально-территориальных автономий, подготовке и продвижении на руководящие должности представителей национальных меньшинств, а также предполагала внедрение местных языков в делопроизводство и образование.

Следует отметить, что особенностью военного строительства в национальных регионах страны являлось то, что в большинстве из них не было обязательного военного призыва. Буряты, например, в дореволюционной России, так же как и некоторые другие народы национальных окраин, не привлекались к военной службе. Исключение составляли лишь буряты, состоявшие в казачьем сословии. С установлением советской власти решено было усилить работу в данном направлении. В ноябре 1924 г. была разработана пятилетняя программа, которая должна была придать военному национальному строительству единообразие, систематичность и целеустремленность.

В национальных республиках и областях началось формирование воинских частей: в Таджикистане и Киргизии – кавалерийских полков, в Туркменистане и Казахстане – кавалерийских дивизий, в Узбекистане – кавалерийских и стрелковых дивизий, в Татарской АССР – территориально-стрелковой дивизии, в Бурят-Монгольской АССР – кавалерийского полка. Это требовало, в свою очередь, незамедлительного открытия военных школ для подготовки национального командного состава.

Огромные затруднения на пути развертывания национального военного строительства вызывали специфические особенности призывных контингентов: низкий уровень образования, культурно-языковые различия; кроме этого, имелся дефицит командиров и политработников, владеющих национальными языками. С этими проблемами столкнулось и руководство Бурят-Монгольской АССР. На собраниях работников БурЦИКа, Бурятского обкома и военного командования не раз поднимались следующие вопросы: как отнесется население к призыву бурятской молодежи в армию? Смогут ли буряты-кочевники приспособиться к условиям казарменной жизни? Будут ли вольные степняки соблюдать железную воинскую дисциплину? Способны ли они к воинской службе с точки зрения морального духа и физической выносливости?

После соответствующих консультаций и согласований с руководством республики командующий 5-й армией И. П. Уборевич 15 апреля 1924 г. направил в Реввоенсовет СССР телеграмму, в которой изложил свои

соображения по вопросам создания национальной воинской части. В частности, он предлагал комплектовать бурнацчасти путем ежегодного призыва на общих основаниях со всем населением страны. В первый год, возможно, сформировать кавдивизион с последующим развертыванием в полк. Для комплектования командным составом создать при 5-й кавбригаде школу младшего командного состава. Педагогический и инструкторский состав набрать из ясачных бурят и бывших офицеров Забайкальского войска, владеющих бурятским языком. Преподавание в школе вести на русском и бурятском языках [14, д. 254, л. 32-34].

На страницах газеты «Бурят-Монгольская правда» стали печататься статьи-призывы: «Красная армия нуждается в пополнении своих рядов свежими силами – красными командирами – для выполнения колоссальных задач, возложенных историей на молодых вооруженных рабочих и крестьян... Передовая молодежь наших степей, иди в школы красных командиров» [9, с. 3]. Так в республике начался набор добровольцев. Комплектовать школу было решено добровольцами 1898-1903 гг. рождения, преимущественно членами ВКП(б) и РЛКСМ. Допускался также прием 10-15 беспартийных. Из 133 поступивших заявлений было отобрано 75 лучших по «политическому и идеологическому» состоянию [7, д. 524, л. 76].

В конце ноября 1924 г. в Верхнеудинске при 5-й Кубанской отдельной кавалерийской бригаде К. К. Рокоссовского открылась Бурят-Монгольская кавалерийская школа (Буркавшкола), которая должна была заняться подготовкой младших командиров.

18 декабря 1924 г. приказом заместителя председателя Реввоенсовета СССР М. В. Фрунзе был утвержден штат Буркавшколы, где числилось 48 человек постоянного состава (педагогический, командный и обслуживающий персонал), 75 курсантов (2 сабельных взвода по 30 чел. и пулеметный взвод 15 чел.), 118 лошадей [15, д. 809, л. 3-4]. Начальником школы был назначен И. И. Дударев, кавалер ордена Красного Знамени, участник Гражданской войны в Сибири, а комиссаром – В. С. Токмаков, член партии, забайкальский казак, неплохо владеющий бурятским языком. Средний и младший командный состав школы, а также все специалисты были подобраны из русских, служивших в частях и соединениях Красной армии в Забайкалье. На командные должности были назначены и несколько бурят: командир взвода Д. Н. Намсараев, политрук Л. Н. Рубашкевич, младшие командиры Б. Максимов и В. Зимин. Для учения военному языку был приглашен инструктор из Монголии.

О своих первых непростых днях в школе пишет О. А. Жеребцов, бывший помощник комвзвода: «Тогда в Бурятии почти не было военных кадров из коренной национальности… Если комплектовать школу русским командным составом, то возникал вопрос, будут ли курсанты-буряты понимать язык команд. Поэтому в первое время был даже приглашен один товарищ из Монгольской народно-революционной армии в качестве инструктора по военному языку. Но практика показала, что курсанты быстро научились давать команды на русском языке» [5, с. 37].

1 февраля 1925 г. состоялось торжественное открытие Буркавшколы. Бывший курсант И. Б. Мархакшинов вспоминал: «Мы были горды от осознания того, что на нашу долю выпала честь первыми в истории бурятского народа идти на действительную службу в Красную армию. Большинство из нас были малограмотными, плохо осведомленными о военной дисциплине. Некоторые, например, так обращались к комиссару сбора: “Эй, Черемисов, постой-ка, поговорить с вами надо. Домой нужно сходить, отец заболел. Можно, а?”. А сам стоит перед комиссаром нараспашку, без ремня и шапка на боку» [Там же, с. 67].

В первое время школа испытывала значительные затруднения в материально-бытовом обеспечении: отсутствовала военная литература на родном языке, не хватало вооружения, лошадей и пр. В начале апреля она, например, имела всего 29 лошадей из 118 положенных. Командование бригады решило улучшить обеспечение Буркавшколы путем передачи дела снабжения 74-му полку бригады. Однако президиум обкома партии не согласился с этим предложением и наметил меры, направленные на ускорение закупки лошадей, оборудования конюшен, обеспечение школы конским снаряжением [1, с. 61].

Учебный план курсантов был разделен на две части. В первом полугодии учебы предусматривался объем знаний, необходимых для рядового кавалериста: уставы дисциплинарной, внутренней и гарнизонной службы, стрелковое дело, владение холодным оружием, тактика и др. Во втором – освоение знаний, необходимых для командиров отделений и помощников командиров взводов. Кроме специальных предметов изучались естествознание, ветеринария, агрономия.

С первых дней учебы для курсантов был установлен строгий распорядок: подъем в 6 ч. утра, заправка койки, 30-мин. зарядка на свежем воздухе, уборка и чистка лошадей, завтрак, занятия по боевой и политической подготовке. «Утром в 6 ч. раздалась резкая команда “Подъем!”. Курсанты, как один, встали, оделись, заправили койки и бегом побежали на уборку лошадей. Но я не успел, отстал», – позже делился воспоминаниями О. А. Жеребцов, – «один из командиров заметил это, прогнал меня бегом три раза вокруг казармы, а потом при подходе к конюшне скомандовал: “Быстро выводи коня на чистку”. Три раза в день мы проводили чистку и уборку лошадей. Чистили мы их настолько тщательно, что если после чистки провести белым платком по шерсти коня, то платок оставался чистым. Это было законом для кавалериста» [5, с. 38].

После курсанты выезжали на манеж для проведения конно-строевых занятий, где учились строем совершать фигурную езду, ездить рысью или галопом, сидеть в седле без стремян, а также на скаку запрыгивать и соскакивать с коня. «На первом занятии мы услышали такие команды, как “манежной ездой, марш”. А потом последовало: “Снять стремена, бросить поводья”, “Рысью марш, руки в сторону”, “Крепче шенкеля”. Эти команды мы поняли не сразу, но в дальнейшем конные занятия вошли в привычку, и мы уже могли брать барьеры, работать клинком и пикой» [Там же, с. 68].

К. К. Рокоссовский, бывший в то время командиром 75-го кавполка, отмечал: «Буряты любят коня, поэтому вся учеба, связанная с лошадьми, достаточно легко ими усваивается. С присущей конникам смекалкой и лихостью они являются отличными наездниками» [Там же, с. 20].

Боевая подготовка не сводилась только к конным занятиям. Для будущих командиров не менее важны были изучение уставов, материальной части оружия, тактическая подготовка, в частности знание топографии. Курсанты неплохо овладевали оружием, показывали хорошие результаты на стрельбищах. На тактических занятиях они учились наступать на «противника», совершать быстрые и внезапные «атаки».

«С наступлением лета курсанты стали часто выезжать на полевые учения-маневры в составе частей 5-й Кубанской кавбригады. Иногда во время этих маневров совершали большие марши. В августе 1926 г., например, из лагерей в районе нынешнего лесозавода выехали через спиртзавод в Мухоршибирь. Ехали всю ночь, а утром в Мухоршибири подверглись внезапному нападению “противника”. В Загане выдержали “встречный бой”, затем через село Бар ночью приехали в Тарбагатай. В течение почти 1,5 суток без отдыха проехали свыше 200 км. Было очень тяжело, но люди и лошади выдержали» [Там же, с. 39], – делился воспоминаниями О. А. Жеребцов. Подобные маневры являлись хорошим экзаменом для курсантов и закрепляли их знания, полученные в течение учебного года.

Сами по себе конные занятия для курсантов являлись серьезной физической подготовкой, поэтому они активно занимались бегом, гимнастикой, метанием дисков, гранат, копий. Впервые в истории бурятского народа в Буркавшколе была создана национальная футбольная команда. Курсанты-спортсмены принимали участие не только в республиканских соревнованиях, но и выезжали в Хабаровск, Новосибирск, Москву.

В школе много внимания уделялось ликвидации безграмотности среди личного состава, а также внешкольной работе: устраивались красноармейские спектакли, бои на лучшее знание материальной части оружия, проводились собрания, выпускались стенгазеты (газета «Бурят-командир» дважды получала высокую оценку на выставке стенгазет в Дни печати, а курсант Ринчино участвовал в качестве делегата на съезде работников красноармейской печати в Москве). Благодаря этому курсанты вовлекались в общественно-политическую жизнь, повышали свои знания и кругозор, приобретали опыт и навык в проведении массовых мероприятий и культурно-просветительной работы. Кроме этого, красноармейцам прививали чувство солидарности с трудящимися зарубежных стран. Так, в 1926 г. школу посетили польская и румынская рабочие делегации. Большую работу по интернациональному воспитанию проводила и организованная в школе ячейка Международной организации помощи борцам революции.

Особое внимание в Буркавшколе отводилось воспитанию курсантов в духе боевых традиций Красной армии. В школу с докладами приезжали работники обкома партии и совнаркома Бурят-Монгольской АССР, командиры и политработники 5-й Отдельной Кубанской кавалерийской бригады, участники Гражданской войны. Не раз школу посещал и К. К. Рокоссовский [1, с. 62].

Немалое место в работе с курсантами Буркавшколы занимала атеистическая пропаганда, которая имела свои особенности. Значительная часть красноармейцев призывалась из деревень и улусов, где были сильны религиозные устои. Среди верующих курсантов были и ламаисты, и шаманисты, и христиане. В работе с ними применялась тактичность, а основное внимание было направлено «не столько на разрушение существующих у красноармейца воззрений, сколько на сообщение ему определенного круга положений естественно-научных знаний» [8, д. 12, л. 7]. Читались лекции с показом кинокартин, проводились различные химические опыты, разоблачающие божьи «чудеса», организовывались кружки для разъяснения происхождений земли и человека.

5 ноября 1925 г. К. К. Рокоссовский подписал указ, в котором отмечалось, что курсанты должны подготовиться к сдаче экзаменов. «Экзаменационные испытания провести по всем отделам подготовки в форме бесед, обратив внимание на наличие у курсантов учебно-методических навыков. Степень тактической подготовки проверить путем выхода в поле» [12, с. 51].

12-13 ноября все экзамены были успешно сданы, а 15 ноября 1925 г. состоялся 1-й выпуск курсантов Буркавшколы. 50 человек получили звание младшего командира РККА, 12 из них были оставлены в школе на различных должностях, а 27 направлено в формировавшийся Отдельный бурят-монгольский кавалерийский эскадрон.

В своей стенной газете «Бурят-командир» первые выпускники писали: «Мы, курсанты Буркавшколы, благодарим своих командиров и политработников за те знания, которые мы получили в школе. Заверяем, что полученные знания сумеем передать 1903 (призывному) году» [2, с. 104]. В день первого выпуска курсантов на городской площади был проведен большой митинг, на который были приглашены жители ближайших сел и улусов. После митинга состоялся торжественный ужин.

Интересно было проследить дальнейшую судьбу первых боевых бурят-командиров. Г. Мункин, например, стал работать начальником полковой школы; Д. Цыбиков, пришедший в Буркавшколу абсолютно неграмотным, вырос до секретаря партбюро кавполка и райвоенкома, а в 1937 г. избирался депутатом Верховного Совета СССР; П. Манжигеев вырос от курсанта Буркавшколы до кадрового политработника Красной армии; С. Х. Митанов и У. В. Шагдыров стали кадровыми командирами Красной армии, первый еще до войны окончил Военно-политическую академию им. Ленина, второй в годы войны – академию им. Фрунзе.

Таким образом, открытие Бурятской кавалерийской школы младших командиров и первый выпуск курсантов явились большим событием в жизни Бурят-Монгольской АССР и послужили началом пути развития истории бурятских национальных кавалерийских частей.

Список источников

1. **Базаров Б. В., Намнанов Д. Д.** Национальные формирования Красной армии в Бурятии в 1920-1930-х гг. Улан-Удэ: ВСГАКИ, 2000. 207 с.
2. **Банчиков Г., Беч А.** О легендарном Буркавдивизионе // Байкал. 1995. Вып. 4. С. 100-130.
3. **Благодарность политическому и командному составу Буркавшколы** // Бурят-Монгольская правда. 1925. 15 ноября.
4. **Боевой путь Буркавдивизиона** // Бурят-Монгольская правда. 1930. 21 ноября.
5. **Бурятская краснознаменная. Исторические очерки. Воспоминания.** Улан-Удэ: Бур. кн. изд-во, 1968. 138 с.
6. **Воропаев М.** Этапы национального военного строительства // Бурят-Монгольская правда. 1930. 25 января.
7. **Государственный архив Республики Бурятия** (ГАРБ). Ф. 248. Оп. 1.
8. **Государственный архив Российской Федерации** (ГАРФ). Ф. Р-5407. Оп. 1.
9. **Иди в школу красных командиров** // Бурят-Монгольская правда. 1924. 12 сентября.
10. **Кадыров Б. Г., Королев В. В.** Подготовка командно-политического состава Красной Армии в системе национального военного образования в 20-30 гг. XX в. // Казанский педагогический журнал. 2016. № 6. С. 146-151.
11. **Крушельский А. В., Молодцыгин М. А.** Становление РККА как армии дружбы и братства народов // Боевое содружество советских республик. М., 1982. С. 23-25.
12. **Орденоносцы Бурят-Монголии** / отв. ред. Я. Оршанский. Улан-Удэ, 1936. 184 с.
13. **Подустов Ф. Н.** Национальные воинские формирования Красной Армии в Сибири и на Дальнем Востоке (1919-1938 гг.) // Вестник Томского государственного университета. 2005. № 288. С. 165-169.
14. **Российский государственный архив социально-политической истории** (РГАСПИ). Ф. Р-372. Оп. 1.
15. **Российский государственный военный архив** (РГВА). Ф. 25893. Оп. 1.

THE FIRST NATIONAL MILITARY PERSONNEL TRAINING AT THE BURYAT-MONGOLIAN CAVALRY SCHOOL

Soboleva Anastasiya Nikolaevna, Ph. D. in History
Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences in Ulan-Ude
soboleva03_88@mail.ru

After the victory of the Bolsheviks in the Civil War, they committed to creation of national military formations. Construction of a new army required immediately the training of a significant number of personnel proficient in national languages. In this connection, on the basis of newspaper publications, archival data and personal memories the author studies history of creation and peculiarities of manning and development of the Buryat-Mongolian Cavalry School for training of junior commanders.

Key words and phrases: national military construction; national policy; korenizatsiya (indigenization); training of national personnel; Buryat-Mongolian Cavalry School; The Buryat-Mongolian ASSR.

УДК 792.09
Искусствоведение

Статья посвящена актуальному и малоизученному вопросу – анализу экспериментов со сценическим светом в русском футуристическом театре начала XX века. Рассматриваются различные подходы к освещению как в нереализованных проектах, сохранившихся в виде описаний, так и в состоявшихся спектаклях. На основе имеющихся источников проведена реконструкция световой партитуры спектакля «Хоромные действия» Союза молодежи, а также постановок первого футуристического театра – «Трагедия. Владимир Маяковский» и оперы «Победа над Солнцем».

Ключевые слова и фразы: авангардный театр; сценическое освещение; сценография; русский футуризм; кубофутуризм.

Спиридонова Анна Михайловна
Санкт-Петербургский национальный исследовательский университет
информационных технологий, механики и оптики (Университет ИТМО)
spiranna@list.ru

ОБРАЗНО-СИМВОЛИЧЕСКОЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СВЕТА В РУССКОМ ФУТУРИСТИЧЕСКОМ ТЕАТРЕ

В период взлета художественной и театральной активности на рубеже XIX-XX вв. сценическое освещение переживало новый поворот в своем развитии из-за внедрения электрических световых приборов, а также из-за усиления роли художественного поиска и новации в культуре. Такие направления и течения, как натурализм, импрессионизм, символизм, выдвигали свои специфические подходы к освещению, исходя из их художественной концепции. При всех стилевых различиях важно то, что на рубеже веков свет был осознан как важнейший инструмент в ансамблевом искусстве сценографии. По словам Д. Г. Исмагилова, в начале XX века